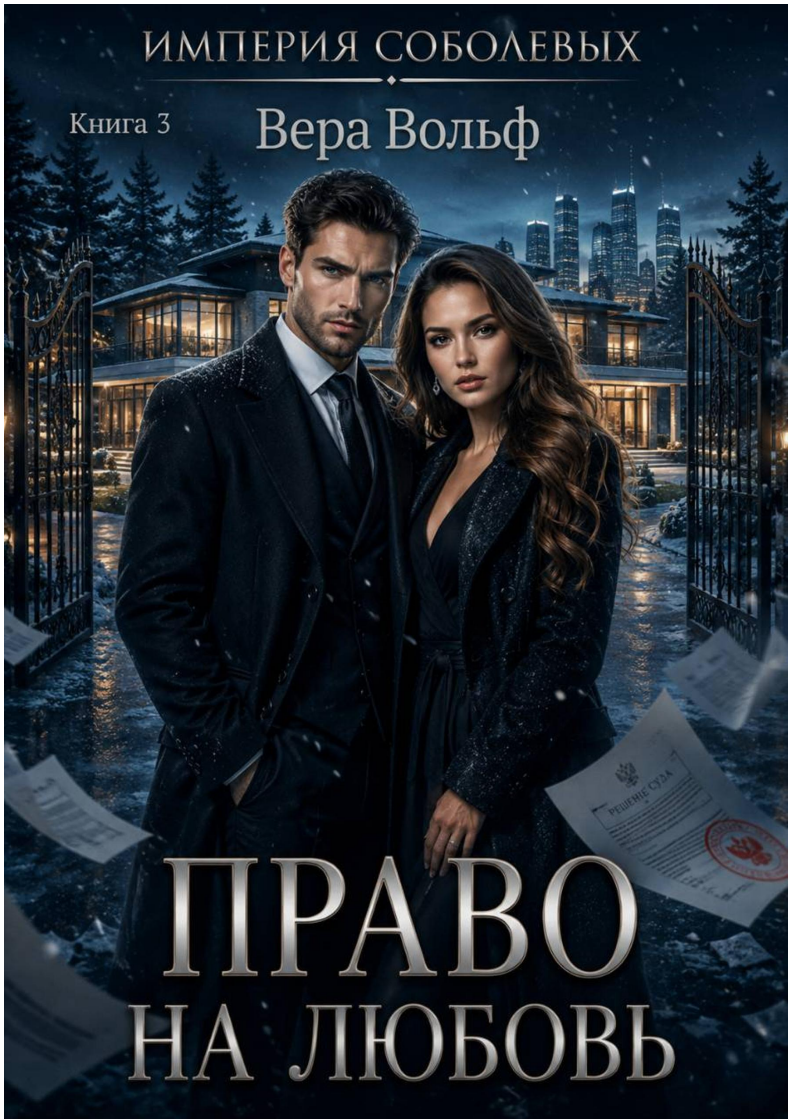

ИМПЕРИЯ СОБОЛЕВЫХ

Книга 3

Вера Вольф

ПРАВО
НА ЛЮБОВЬ

Вера Вольф

Право на любовь

<https://litres.ru/74163489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думали, что победа означает конец? Нет.

Когда рушатся внешние стены, становится видно то, что скрывалось за ними. Теперь главный враг — не тот, кто угрожает снаружи, а тот, кто живёт внутри: страх, недоверие, прошлое, которое не отпускает. Им предстоит выбрать: сохранить контроль или научиться доверять. Каждый шаг может стать последним, и цена ошибки — не просто разрыв, а потеря всего, ради чего они боролись.

Эта книга — не о битве с врагом. Это история о том, как двое учатся быть командой, когда привычные стратегии разрушают, а единственное спасение — в уязвимости. Вы получите финал, который согреет, но не даст забыть: настоящая любовь — не трофей, а ежедневный выбор. Без слащавости, без фальши — только правда, боль и надежда. И, возможно, право на любовь — это самое трудное, что мы можем завоевать.

Содержание

Глава 1. Осколки тепла	4
Глава 2. Обратная сторона контроля	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вера Вольф

Право на любовь

Глава 1. Осколки тепла

Я опустила тяжёлую фарфоровую чашку на гранитную столешницу, стараясь не нарушить покой спящего дома.

Экран видеоняни рядом с кофемашиной слабо мерцал серым светом. Марк спал, раскинув крошечные ладони поверх байкового одеяла. За последние четырнадцать дней он прибавил первые триста граммов — чистая, выстраданная победа над сухими таблицами нормального веса. Каждая эта утренняя минута, пока сын мирно дышал в своей кроватке, казалась мне бесценным даром, который приходилось отвыкать у судьбы каждый божий день.

Напротив меня, у панорамного окна, выходящего в заснеженный двор, сидела моя мама. Ирина сосредоточенно и плавно вела иглу с серебряной нитью сквозь полотно белого льна. На салфетке проступали ровные контуры морозных узоров. Впервые за долгие месяцы её лицо выглядело спокойным, разгладившимся, лишённым той скорбной окаменелости, с которой она сидела на заседаниях суда.

Мама пережила слишком много, будучи женой Виктора Соболева, и этот сосновый дом стал для неё таким же убе-

жищем, каким он стал для меня. Две недели без адвокатов, звонков с незнакомых номеров и конвоев. Две недели нормальной жизни.

— Денис ещё спит? — мама не подняла глаз, но уголки её губ чуть тронула мягкая улыбка.

— Да. Я не стала его будить. В последние дни он засыпает только под утро.

Я сделала глоток мятного чая. Горьковатый, резкий вкус осел на языке. Наша победа над Виктором Соболевым казалась сном, от которого я всё ещё боялась проснуться. Закон встал на нашу сторону, прокуратура изучала изъятые архивы Клинова, но внутренний часовой внутри меня отказывался сдавать оружие. Слишком долго мы жили в состоянии постоянной боевой готовности, чтобы просто так взять и поверить в наступивший мир.

Тяжёлые шаги со стороны лестницы заставили меня обернуться.

Денис вошёл на кухню, на ходу поправляя воротник серого кашемирового свитера. От него пахло морозным кедром и едва уловимым ароматом чёрного перца — его неизменным парфюмом. Взгляд, обычно сканирующий пространство на предмет скрытых угроз, сейчас смягчился. Прежняя жёсткость, которая когда-то пугала меня до дрожи в коленях, уступила место глубокой, усталой нежности.

Он подошёл со спины, опустил ладони на мои плечи. Его пальцы были тёплыми, сильными. Чуть сжав ткань кардига-

на, Денис наклонился и прижался губами к моему виску. Я прикрыла глаза, растворяясь в этом ощущении безопасности. Его близость больше не несла в себе угрозы, она исцеляла.

— Доброе утро, — его низкий, чуть хриплый после сна голос завибрировал у самого уха. — Марк просыпался?

— Ни разу. Спит очень крепко.

Денис повернул голову к монитору видеоняни, вглядываясь в серое изображение. Его челюсть на мгновение сжалась, плечи напряглись — привычка контролировать каждый вздох близких въелась в него слишком глубоко. Годы, проведённые под давлением жестокого отца, не могли пройти бесследно. Но спустя секунду он выдохнул, заставляя себя расслабиться. Взял мою чашку, сделал глоток и поморщился от обилия мяты.

— Игорь звонил полчаса назад, — Денис прислонился бедром к кухонному острову, скрестив руки на груди. — По аудиту активов «Империи» всё чисто. Юристы закрывают последние лазейки, через которые отец мог бы оспорить перевод счетов. Мы выпотрошили его империю, Майя. Ему больше нечем платить за войну. Юридически он обезоружен.

Я кивнула, глядя на его сильные пальцы. Эти руки умели ломать чужие судьбы, но сейчас они осторожно перебирали пряди моих волос, словно я была сделана из самого тонкого стекла. Между нами больше не стояла глухая стена лжи. Мы учились дышать заново, строя наши отношения на обломках

прошлого.

— Тебе нужно поехать в офис? — спросила я, сдерживая укол мгновенной тревоги, которая всегда возникала, когда ему приходилось покидать территорию дома.

— Нет. Я останусь здесь. Проведу пару совещаний из кабинета, а днём расчищу дорожку к беседке. Марку нужен свежий воздух.

Мама тихо звякнула ножницами, отрезая серебряную нить. В кухне царило то редкое, хрупкое тепло, ради которого стоило пройти через все круги ада. Мы сидели втроем, слушая мерное дыхание малыша из динамика, и казалось, что кошмар окончательно отступил.

Денис ушёл к себе наверх, прихватив ноутбук. Его шаги стихли в глубине второго этажа. Мама перебралась в гостиную к камину, чтобы настроить свет для вышивания.

Снег за окном падал редкими, крупными хлопьями, укрывая землю пушистым ковром. Высокие сосны стояли неподвижно, надежно скрывая особняк от посторонних глаз. Этот дом Денис выбирал с особой тщательностью — максимальный уровень безопасности, удалённость от оживлённых трасс, тройной контур охраны и камеры, перекрывающие каждый сантиметр периметра. Здесь нас никто не должен был достать.

Я пошла по коридору и мой взгляд случайно упал на входную дверь.

Сквозь узкое вертикальное остекление прихожей я заме-

тила чужеродное пятно на сером граните крыльца. Обычно всю почту, курьерские доставки и документы охрана принимала на КПП у ворот. Парни тщательно проверяли каждую коробку и только потом приносили в дом. На крыльце ничего не могло лежать просто так.

Я накинула на плечи шерстяной платок и скорыми шагами вышла в тамбур. Пружина замка щёлкнула, впуская в лицо порцию колющего январского холода. За порогом, прямо на обледенелой каменной плитке, лежал конверт.

Никаких почтовых марок. Никакого адреса получателя или имени. Идеально белая плотная бумага, едва припорошенная свежим снегом. Это означало одно: конверт оставили здесь совсем недавно. Буквально несколько минут назад, пока мы пили чай на кухне. Кто-то подошёл к самой двери, минуя посты, датчики и людей Дениса.

Паника ледяной иглой вонзилась в грудь. Я быстро подобрала конверт, чувствуя, как пальцы обжигает холодом. Оглядев абсолютно пустой, безмолвный двор и засыпанные снегом сосны, я вернулась в дом и заперла дверь на три оборота замка. Руки заметно дрожали, а дыхание стало рваным, тяжёлым.

В прихожей было тихо. Из гостиной доносился лишь далёкий, уютный треск дров. Этот контраст между домашним уютом и леденящим предчувствием беды казался невыносимым.

Я вскрыла плотную бумагу, рванув край. Внутри не бы-

ло текстового письма. Пальцы нащупали лишь один листок плотной глянцевой фотобумаги формата десять на пятнадцать.

Мои глаза расширились, а в лёгких резко закончился воздух. Звуки исчезли, остался только глухой, частый стук крови в моих ушах.

На снимке был запечатлён Марк. Крупный план. Мой сын лежал в своей кроватке на втором этаже, повернув голову набок и приоткрыв крошечный рот во сне. На нём была та самая тёмно-синяя шерстяная шапочка с маленькой вышитой ласточкой на отвороте, которую мама купила в посёлке неделю назад. Марк носил её дома, когда в комнате становилось прохладно от окна.

Малыш спал, не подозревая об опасности. Но ужас заключался в ракурсе съёмки. Снимок был сделан снаружи дома. Через стекло окна детской. Объектив поймал чёткое отражение заснеженной сосновой ветки на стекле, прямо поверх лица моего ребёнка. Кто-то стоял на козырьке террасы или использовал мощную профессиональную оптику, находясь вплотную к нашей мнимой крепости. Защиты не существовало.

Я перевернула снимок онемевшими пальцами.

На обороте аккуратным, размашистым почерком, чёрными чернилами было выведено две строчки:

«Кровь Соболевых не разбавить сосновым воздухом. Я наблюдаю».

Зрение на секунду расфокусировалось, превращая строчки в грязные чёрные пятна. Мир вокруг качнулся. Тёплые стены коридора, которые ещё утром казались надёжным щитом, в один миг превратились в картонные декорации. Нас не защищал этот забор. Камеры ничего не зафиксировали. Враг стоял под окнами комнаты моего сына, выбирая идеальный момент для удара. И этот враг знал о Марке всё.

— Майя? Всё в порядке? Почему ты застряла в прихожей? — голос мамы из гостиной прозвучал глухо, словно через толщу воды.

Я судорожно прижала фотографию к груди, пряча её под шерстяной платок. Конверт смялся в моем кулаке. Нужно было взять себя в руки, вернуть лицу нормальное выражение, не выдать тот первобытный страх, который сковал каждый сустав.

— Да, мам! — мой голос сорвался, прозвучав слишком высоко, неестественно. — Просто проверяла замок на двери, показалось, что сквозит. Сейчас приду.

Я бросилась по лестнице вверх, стараясь ступать как можно тише, чтобы Денис в своём кабинете не услышал моих топотливых шагов. Заперев дверь ванной комнаты, я включила ледяную воду и плеснула её в лицо, смывая подступившую к горлу тошноту. Взглянула в зеркало: бледная кожа, расширенные, полные ужаса зрачки. Угроза вернулась. Виктор Соболев проиграл суд, но его тень всё ещё висела над нами, или же в игру вступил кто-то новый, гораздо более опасный.

Первым моим порывом было бежать в кабинет Дениса. Разрушить его иллюзию покоя. Показать ему этот проклятый снимок. Заставить его поднять на ноги всю службу безопасности, перерыть Рублёвку, перевернуть каждый камень, найти ублюдка, который посмел фотографировать спящего Марка.

Но я застыла у раковины, вспомнив взгляд Дениса всего пятнадцать минут назад. Его расслабленные плечи, его мягкую улыбку. Человек, который только-только начал счищать с себя копоть многолетней войны с собственным отцом, не перенесёт этого известия спокойно.

Если Денис увидит эту фотографию, маска цивилизованного человека, которую он с таким трудом натягивал на себя ради нас, сгорит дотла. В нём проснётся прежний монстр — параноидальный, безжалостный, одержимый тотальным контролем зверь. Он запрёт меня и сына в подземном бункере без окон, выставит вооружённый конвой у каждой двери, превратит нашу жизнь в режимный объект строгого назначения. Он уничтожит то хрупкое доверие, которое мы собирали по крупицам. Он снова сгорит в этой слепой ненависти, пытаясь защитить нас.

Движимая желанием спасти наш с трудом обрётённый покой, я приняла решение. Тяжёлое, возможно, ошибочное, но единственно верное на данный момент. Я не скажу ему. По крайней мере, до тех пор, пока сама не пойму, кто именно стоит за этим посланием и чего этот человек добивается. Я

должна быть сильной ради своей семьи.

Я вышла из ванной комнаты, стараясь дышать ровно. Подошла к спальному комоду и открыла старую резную шкапу из тёмного дерева, где хранила свои немногочисленные украшения и памятные мелочи. Приподняв потайное двойное дно, я спрятала гляцевый снимок лицом вниз под бархатную подкладку. Туда, где Денис никогда не стал бы искать, уважая моё личное пространство.

Смятый белый конверт остался лежать в кармане кардигана.

Я спустилась обратно в гостиную, стараясь ступать размеренно. Мама сидела спиной ко мне, полностью увлечённая своей серебряной вышивкой. В камине ярко полыхали берёзовые полена, распространяя по комнате сухое, обволакивающее тепло и смолистый аромат. Искры с весёлым треском взлетали вверх, мгновенно исчезая в тёмном зеве дымохода.

Я подошла к самому огню, делая вид, что просто протягиваю руки к пламени, чтобы согреться после холодного коридора. Каминный жар опалил кожу лица.

Осторожно вытащив из кармана пустой конверт, я бросила его в самую гущу полыхающих поленьев. Бумага мгновенно сморщилась от высокой температуры, почернела по краям и вспыхнула ярким, хищным жёлтым огнём. Через несколько секунд от неё остался лишь лёгкий серый пепел, который воздушным потоком утянуло вверх, в трубу.

Улика уничтожена. Конверт исчез, не оставив и следа. Но

сама глянцевая фотография Марка, спрятанная в шкатулке на втором этаже, продолжала жечь мне сердце сквозь расстояния, перекрытия и кирпичные стены дома. Наша мирная жизнь закончилась, так толком и не начавшись.

На лестнице слышались знакомые, уверенные шаги Дениса.

Я повернулась к нему, через силу натягивая на лицо привычную, спокойную и любящую улыбку, пока вся моя душа леденела от подступающего ужаса. Война продолжалась, и теперь я была на ней один на один со своим страхом.

Глава 2. Обратная сторонаконтроля

Я ступил на паркет гостиной, мгновенно уловив посторонний запах.

К привычному аромату горящих берёзовых поленьев при­мешивался едкий, сладковатый шлейф сторе­вшей бумаги. Источник сомнений обнаружился сразу. Майя стояла слиш­ком близко к открытому пламени. Её ладони были прижаты к бедрам, плечи судорожно приподняты, а пальцы намертво вцепились в складки шерстяного кардигана.

Она обернулась на звук моих шагов. Натянула на лицо улыбку — быструю, яркую, искусственную. Такие улыбки я видел у свидетелей на перекрёстных допросах, когда они пытались скрыть ключевую улику.

— Денис, ты уже закончил? — её голос прозвучал на пол­тона выше обычного. Взгляд метнулся к каминной решётке, где среди углей дотлевал крошечный белый клочок.

Я подошёл ближе, сокращая расстояние между нами. Старые инстинкты, возвращенные годами безжалостной корпоративной войны и отцовской муштры, требовали немедленно­го дознания. Мой внутренний сканер зафиксировал её блед­ность, расширенные зрачки, слишком частое, прерывистое дыхание. Внутри меня шевельнулся прежний монстр, при­

выкший ломать чужие секреты. Перехватить запястья. Прижать к стене. Заставить выложить всё до последнего слова.

Я заставил себя остановиться. Сделал глубокий выдох, удерживая руки в карманах брюк. Я обещал себе. Я дал клятву, что в этом доме никогда не будет методов Виктора Соболева. Мой отец выбивал подчинение силой и тотальным контролем, превращая близких в запуганных заложников. Я собирался стать другим. Даже если ради этого требовалось задушить собственную паранойю.

— Закрыв пару контрактов, — я мягко опустил ладонь на её талию. Через ткань почувствовал, под каким напряжением находятся мышцы её спины. — Ты бледная, Майя. Из прихожей дует?

— Немного, — она прижалась щекой к моей груди, но это движение показалось мне попыткой спрятать лицо, избежать прямого визуального контакта. — Показалось, что замок неплотно закрыт. Ходила проверять. Все хорошо, правда.

Она лгала. Я чувствовал эту ложь физически, кожей. Наша связь за последние месяцы стала слишком тонкой, болезненно острой, чтобы я мог пропустить эту фальшивую ноту. Майя что-то скрывала, и этот секрет пугал её до дрожи.

— Может, соберёмся и поедem в город? — я осторожно погладил её по волосам, вдыхая родной запах ромашкового шампуня. — Сменим обстановку. Пообедаем в том ресторане на набережной, где тебе понравились десерты. Марка

оставим с Ириной на пару часов. Тебе нужен воздух, Майя. Настоящий, а не этот загородный затвор.

Она резко отстранилась. В её глазах на мгновение вспыхнул чистый, несдерживаемый испуг.

— Нет! — вырвалось у неё слишком поспешно. Заметив мою реакцию, она тут же попыталась смягчить тон, взяла меня за ладони. Её пальцы оказались ледяными. — Извини. Просто на улице начинается снегопад, дороги занесёт. Мне лучше быть дома, мало ли что. Мне здесь хорошо. Мне ничего не нужно, кроме безопасности.

Безопасность. Это слово в нашем обиходе давно превратилось в проклятие. Мы выстроили вокруг себя крепость, но стены не приносили покоя. Они лишь очерчивали границы нашего общего страха.

Я заставил себя улыбнуться в ответ, сдерживая рвущиеся наружу вопросы. Не стал проверять пепел в камине. Не пошёл к входной двери искать следы. Я просто кивнул, принимая её правила игры. Если она считает, что должна справиться с этим в одиночку, я дам ей время. Я не стану её тюремщиком.

Обед прошёл в странном, звенящем полузабытии.

Ирина тихо рассказывала о новых схемах для своей вышивки, её спицы мерно постукивали в кресле у окна. Марк спал в переносной люльке здесь же, в столовой. Мы с Майей сидели напротив друг друга. Она едва прикоснулась к запечённой рыбе, лишь размазывала соус по тарелке. Всякий

раз, когда за окном шуршал падающий с ветки снег, её тело вздрагивало.

Моя тревога росла, заполняя комнату невидимым, удушливым туманом. Я пытался шутить, обсуждал с Ириной покупку новых саженцев для весеннего сада, но внутри меня тикал счётчик. Что-то надвигалось. Что-то, о чём Майя предпочла промолчать, защищая меня или себя.

Ближе к вечеру я вышел во двор. Физическая работа всегда помогала мне заткнуть внутренний голос.

Я взял пластиковую лопату и принялся расчищать дорожку, ведущую от крыльца к беседке. Снег валил стеной, крупные хлопья мгновенно залепляли ресницы, оседали на куртке. Сосны глушили любые звуки, превращая пространство вокруг дома в изолированный кокон.

Я остановился у края террасы, тяжело дыша. Взглянул на окна второго этажа — там, в детской, горел мягкий жёлтый свет ночника. Майя укладывала сына. Отсюда, снизу, их жизнь выглядела идеальной картинкой из глянцевого журнала о семейном счастье. Благополучный пригород, дорогой особняк, тишина.

В дом я вернулся, когда окончательно стемнело.

Майя уже ждала меня в спальне. Она сидела на краю постели в тонкой ночной рубашке, обхватив плечи руками. В полумраке комнаты её фигура казалась хрупкой, почти прозрачной. Я разделся, лёг рядом и притянул её к себе.

Она прильнула ко мне всем телом, судорожно, с какой-то

отчаянной, голодной нежностью. Её губы нашли мои. Этот поцелуй не был началом прелюдии, он напоминал попытку спастись, утонуть в физическом ощущении друг друга, заглушить ментальный ужас. Мы занимались любовью молча, яростно, на пределе сил, словно этот момент близости был последним перед концом света. Я вжимался в её кожу, пытаясь забрать её боль, её страх, растворить её ложь в своих объятиях. Она всхлипывала мне в плечо, кусала губы, но так и не произнесла ни слова истины.

После всего Майя мгновенно провалилась в глубокий, тяжёлый сон, сморенная эмоциональным истощением. Её дыхание выровнялось, лицо уткнулось в подушку.

Я лежал на спине, уставившись в тёмный потолок. Сон не шёл. Мои биологические часы, настроенные на режим постоянной катастрофы, отсчитывали минуты. Внутри горел холодный огонь предчувствия.

В три часа ночи я бесшумно поднялся. Одеяло мягко соскользнуло с моих плеч. Я накинул домашние брюки и босиком вышел в коридор. Проверить Марка было моей обязательной ночной рутинной. Мне требовалось лично убедиться, что мой сын дышит, что его сердце бьётся, что мир вокруг него стабилен.

Я приоткрыл дверь детской. Мягкий свет от ночника-облака окрашивал комнату в пастельные тона. Марк спал на животе, поджав под себя коленки. На его голове была та самая синяя шерстяная шапочка с ласточкой. Майя надевала

её ему, когда ночная температура за окном падала ниже минус двадцати, и от панорамных стёкол начинало тянуть прохладой.

Я поправил сползший край одеяла, коснулся тёплой детской щеки. Всё было в порядке. Малыш был в безопасности.

Я достал из кармана смартфон, чтобы запустить стандартное приложение мониторинга охранной системы перед тем, как вернуться в спальню. Палец привычно скользнул по иконкам камер периметра. Наш дом был опутан датчиками движения и оптикой высокого разрешения. Двенадцать камер перекрывали каждый метр забора и стен.

Экран отобразил сетку из двенадцати квадратов.

Одиннадцать из них транслировали чёткую чёрно-белую ночную картинку: засыпанные снегом ворота, глухой забор, тропинка к беседке, парковка.

Четвёртый квадрат оставался абсолютно тёмным. Камера номер четыре, установленная на козырьке террасы прямо под окном детской, не передавала сигнал. Вместо изображения на дисплее пульсировала мелкая серая рябь технической ошибки.

Сердце глухо ударило в рёбра. Система безопасности «Империи» имела тройное резервирование. Камеры военного класса не могли просто так отключиться из-за мороза или снегопада. При любой технической неполадке пульт на КПП должен был выдать сигнал тревоги, а дежурная смена охраны — немедленно выдвинуться к точке. Но в доме стояла мёрт-

вая, ничем не нарушаемая тишина. Парни на воротах спали или не видели сбоя.

Я быстро вышел из детской, прикрыв дверь, и спустился на первый этаж в свой рабочий кабинет. Запер за собой массивную дубовую дверь. Включил защищённый ноутбук, подключённый напрямую к главному серверу безопасности через зашифрованный канал.

Мои пальцы летали по клавиатуре, открывая логи системы.

Экран подсветил мои худшие опасения красными строками системного сбоя. Камера номер четыре отключилась ровно в два часа сорок минут ночи. Причина — полная потеря физического контакта с датчиком. Это означало, что отключение не было программным сбоем.

Я открыл скрытый мессенджер и набрал номер Игоря. Мой начальник службы безопасности ответил на третьем гудке. Его голос был абсолютно чистым, без малейших признаков сонного тумана — Игорь спал с пистолетом под подушкой и всегда оставался на связи.

— Денис Викторович? Что случилось? — в трубке послышался шорох одежды, Игорь уже поднимался с постели.

— Четвёртая камера на террасе. Мертва уже двадцать минут. Почему пульт молчит?

— Секунду, вхожу в терминал.

В трубке воцарилось тяжёлое, прерывистое молчание. Я слышал, как Игорь быстро перебирает клавиши. С каждой

секундой его дыхание становилось всё более жёстким.

— Датчик сигнализации на пульте заблокирован дублирующим сигналом, — наконец произнёс Игорь, и его тон мне крайне не понравился. — На мониторе у парней на КПП крутится старая видеопетля. Они видят чистый двор и падающий снег. Программа-обманка. Запущена изнутри локальной сети или через физическое подключение к распределительному щиту на внешней стене.

Я почувствовал, как вдоль позвоночника пробежала волна ледяного пота.

— Что с камерой, Игорь? Конкретно.

— Кабели перерезаны, Денис Викторович. Чисто, профессионально. Одним точным ударом. Инструмент с изоляцией, чтобы не вызвать короткое замыкание в общей шине и не активировать общую тревогу. Тот, кто это сделал, знал схему прокладки наших сетей. Знал мёртвые зоны остальных камер. Он прошёл по периметру невидимым.

Я медленно опустил руку с телефоном на стол, не прерывая вызов.

Всё встало на свои места. Утренний нервоз Майи. Её панический отказ ехать в город. И эта ночная вылазка.

Кто-то преодолел наш тройной контур охраны. Прошёл мимо вооружённых парней на КПП. Пробрался к самому дому, поднялся на козырёк террасы и перерезал кабель прямо под окном комнаты, где спал мой сын. Этот человек стоял в паре метров от Марка. Он наблюдал за нами. Он демонстри-

ровал свою абсолютную, пугающую неуязвимость.

— Денис Викторович? Какие указания? — голос Игоря в трубке вернул меня к реальности. — Поднимать группу? Объявлять тревогу по посёлку?

Я посмотрел на закрытую дверь кабинета. Наверху, в тёплой постели, спала Майя. Если я сейчас подниму парней, если во дворе взревет сирены, вспыхнут прожекторы и начнётся штурмовой обыск периметра, её хрупкая психика сломается окончательно. Паранойя уничтожит остатки её доверия к этому миру. Судебные адвокаты отца получат своё идеальное доказательство её безумия.

Я не мог дать им этот шанс. Я должен был решить проблему сам, оставаясь щитом для своей семьи. Даже если ради этого придётся снова выпустить на волю зверя, которого я так долго пытался усыпить.

— Нет, — мой голос прозвучал тихо, мертвенно-спокойно. Так я говорил, когда отдавал приказы об уничтожении бизнеса конкурентов. — Никакой общей тревоги. Майя не должна ничего заметить. Смени дежурную смену на КПП. Тихо, без шума. Парней, которые проспали петлю, — в подвал на допрос. Выясни, кто слил схему кабелей. Камеру восстановить к рассвету под видом технического обслуживания. И выстави двух человек в засаду под террасой. В масках. Если этот ублюдок вернётся — брать живым.

— Принято, — отрывисто бросил Игорь. — Сделаем чисто.

Я отключил вызов и закрыл ноутбук.

В кабинете воцарилась прежняя, обманчивая ночная тишина. За окном всё так же мирно падал пушистый январский снег, замечая чужие следы на граните крыльца. Наша мирная жизнь, наша иллюзия нормальности рассыпалась мелкой стеклянной крошкой.

Я поднялся обратно в спальню. Тихо лёг на свою половину кровати. Майя во сне повернулась ко мне, инстинктивно ища тепло,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.